

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2023.1.01
УДК 271.2–32–244(470.53)

«ПЕРВЕНЕЦ СИОНА»: ПЕРМСКИЙ МЕССИЯ И ЕГО УЧЕНИК

С.В. Рязанова¹, А.В. Бушмаков^{1,2}

¹Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, Пермь, Российская Федерация

²Пермский государственный институт культуры, Пермь, Российская Федерация

О СТАТЬЕ

Поступила: 16 января 2023 г.
Одобрена: 01 марта 2023 г.
Принята к публикации: 01 октября 2023 г.

Ключевые слова:

русское православие, пермское пророчество, Адриан Пушкин, Александр Коробов, реформация религии, вернакулярная религия, эсхатологические идеи, критика церкви

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено одному из локальных явлений в эволюции российского православия – учению о «Новом пророчестве», автором которого явился пермский служащий Адриан Пушкин, имевшему продолжение в трудах его последователя Александра Коробова. Основной целью работы является установление логики эволюции «пророческих» нарративов такого рода как проявлений вернакулярной религиозности. В качестве источников для анализа используются послания во власть самого Пушкина, а также газетные и журнальные публикации и полемические письма Коробова, содержащиеся в центральных архивах и архивах Пермского края. Для верификации полученной информации использованы материалы полицейских дел, заведенных на «новых пророков». В качестве отправных пунктов анализа рассматриваются в реконструкции биографии обоих мыслителей с целью установления степени влияния в идейном аспекте. Последовательно излагаются основные положения учения, предлагаемого Пушкиным, в его эволюции, и корректировки и дополнения, внесенные в это учение Коробовым. Тексты анализируются как имеющие вероучительный характер, вне учета социального контекста и особенностей психики их авторов. В ходе анализа выделяются те изменения, которые Пушкин и Коробов постарались внести в христианскую доктрину, особое внимание уделяется инновациям, которые вносит последний. Структурно новое учение включает в себя новую интерпретацию образа Троицы, развитие идеи христианских пророчеств через новых личностей, набор предсказаний эсхатологического характера. Важными составляющими являются критика существующей власти императора и официальных институтов, а также предложения по переустройству общественной жизни. Предлагаемые новыми пророками, особенно Александром Коробовым, изменения позволяют проводить параллели между их идеями и положениями реформистских церквей Запада. Соединение в религиозных нарративах индивидуальной трактовки христианских положений, элементов научных и околонучных концепций и идей, связанных с переустройством общества, позволяет рассматривать данные «пророчества» как сочетание вернакулярной религиозности и реформистских тенденций в русском православии.

© ПНИПУ

© **Рязанова Светлана Владимировна** – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры культурологии и философии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>, e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru.

Бушмаков Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-4096>, e-mail: bushmakov@yandex.ru.

© **Svetlana V. Riazanova** – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Professor of Department of Cultural studies and Philosophy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>, e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru.

Andrey V. Bushmakov – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Department of Cultural studies and Philosophy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-4096>, e-mail: bushmakov@yandex.ru.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.
Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Вклад авторов равноценен.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

"THE FIRSTBORN OF ZION": THE PERM MESSIAH AND HIS DISCIPLE**Svetlana V. Riazanova¹, Andrey V. Bushmakov^{1,2}**¹Institute of Humanitarian Research of Perm Federal Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation²Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 16 January 2023

Revised: 01 March 2023

Accepted: 01 October 2023

Keywords:

Russian Orthodoxy, Permian prophecy, Adrian Pushkin, Alexander Korobov, reformation of religion, vernacular religion, eschatological ideas, critique of church

ABSTRACT

The study is devoted to one of the local phenomena in the evolution of Russian Orthodoxy - the doctrine of the "New Prophecy" created in the territory of the Kama region by the Perm official Adrian Pushkin and continued in the writings of his follower Alexander Korobov. The main purpose is to establish the logic of the evolution of "prophetic" narratives of this kind as manifestations of vernacular religiosity. The sources for the analysis are messages addressed to Pushkin himself, as well as newspaper and magazine publications and Korobov's polemical letters contained in the central archives and archives of the Perm region. To verify the information received, materials from police cases filed against the "new prophets" were used. The starting points of the analysis are considered in the reconstruction of the biography of both thinkers in order to establish the degree of influence in the ideological aspect. The main provisions of the teaching proposed by Pushkin in its evolution are consistently stated, as well as the corrections and additions made to this teaching by Korobov. The texts are analyzed as having a doctrinal character, without taking into account the social context and the peculiarities of the psyche of their authors. In the course of the analysis, the changes that Pushkin and Korobov tried to make to the Christian doctrine are highlighted, special attention is paid to the innovations that the latter introduces. Structurally, the new teaching includes a new interpretation of the image of the Trinity, the development of the idea of Christian prophecies through new personalities, a set of predictions of an eschatological nature. Important components are criticism of the existing power of the emperor and official institutions, as well as proposals for the reorganization of public life. The changes proposed by the new prophets, especially Alexander Korobov, make it possible to draw parallels between their ideas and the positions of the reformist churches of the West. The combination in religious narratives of an individual interpretation of Christian positions, elements of scientific and near-scientific concepts and ideas related to the restructuring of society, allows for considering these "prophecies" as a combination of vernacular religiosity and reformist tendencies in the Russian Orthodoxy.

© PNRPU

Когда-то служащий пермского имения графов Строгановых, впоследствии записавшийся в купцы второй гильдии, Адриан Павлович Пушкин в конце 1850-х годов увлекся истолкованием Библии и начал на основе собственной экзегезы составлять прошения императору. Стандартно оформленные бумаги содержали «новое Откровение» и требования личной встречи с Александром II. В 1866 году цепочка посланий привела к логичному результату: «провозвестник божественной истины» как сумасшедший был сослан в Соловецкий монастырь, по выходе из которого в конце 1881 года поселен под надзором полиции в Архангельске, где и умер [1, с. 164–171]. В 1876 году единственный из известных последователей А.П. Пушкина А.М. Коробов издал в Женеве его рукопись, озаглавленную «Суд божий, или Отзыв членам Св. Синода о пришествии мессии только ныне» [2], но она осталась почти неизвестной российскому читателю.

В примечании к своей работе «О так называемых религиозных исканиях в России» Г.В. Плеханов, критикуя А. Луначарского, упоминает «покойного д-ра А.М. Колобова» как одного из религиозных «искателей» конца 1870-х – начала 1880-х годов. Плеханов отмечает, что Коробов якобы издал сочинение под названием: «Аллазбука, или Тетраграмматон», где решал вопрос о том, сколько содержится атомов в божественной справедливости, насчитав в итоге 280 тысяч атомов [3, с. 380]. Отметим, что сам Плеханов, вспоминая о Коробове, делает оговорку насчет того, что не вполне уверен в своей памяти, поэтому можно предположить, что знакомство двух русских эмигрантов в Женеве – Коробова и Плеханова – вряд ли было близким.

А.М. Коробов почти не упоминается в работах, посвященных русской эмиграции конца XIX века; лишь в книге французского историка, специалиста по России Анатоля Леруа-Болье

кратко говорится о последователе «блаженного» пророка Адриана Пушкина враче Коробове, который, сбежав из России, основал в Женеве периодическое издание «Вестник Правды», обозначившее себя как «Первый официальный орган сынов Господа». В примечании А. Леруа-Болье иронично отмечает, что «г-н Коробов великодушно послал нам несколько своих пророчеств, с целью нашего спасения». Аналогичные послания он направлял и некоторым другим известным французским деятелям, таким как Шарль Флоке и Эдуард Локруа [4, с. 461].

Попробуем прояснить биографию А.М.Коробова и его связь с Адрианом Пушкиным. В архивном фонде Учебного комитета при Св. Синоде (РГИА) хранятся два дела – 1861-го и 1866 годов, проясняющие происхождение и первый период жизни А.М. Коробова. Формулярный список, составленный 26 октября 1861 года, зафиксировал, что «...лекарь Александр Михайлов Коробов, пермский городской врач, двадцати четырех лет, вероисповедания православного, жалования получает 257 руб. 29 копеек. Сын купца. Родовое имение: каменный дом в городе Перми, в общем владении с братом и сестрами. Холост. По окончании курса наук в Московском университете на собственном иждивении, в 1860 г. удостоен звания лекаря. <...> определен пермским уездным врачом – 16 мая 1861 г. <...> определен пермским городским врачом – 10 августа 1861 г.» [5, л. 1–7]. Само дело 1861 года посвящено назначению Коробова на место бывшего врача Пермской духовной семинарии Богоявленского, просившего об увольнении от службы по состоянию здоровья. Подобная практика, когда городской врач одновременно совмещал и другие должности – в учебных заведениях, губернской тюрьме и др., была для того времени совершенно нормальной. И в данном случае Духовно-учебное управление при Синоде 23 января 1862 года разрешило уволить Богоявленского, на его место определить Коробова, с определением ему присвоенного данным должностям жалования: 143 руб. как врачу и столько же – как преподавателю медицины¹ [5, л. 1–7].

Дело 1866 года зафиксировало еще один стандартный момент в биографии провинциального врача: Духовно-учебное управление при Синоде запросило Медицинский департамент МВД на предмет наличия или отсутствия каких-либо препятствий к производству его по выслуге лет в чин титулярного советника и 15 октября 1866 года получило стандартный ответ, что какого-либо препятствия к утверждению помянутого врача в этом чине не имеется [6]. Именно в этот период в Перми произошел перелом в деле А.П. Пушкина, признанного властями опасным сумасшедшим. Однако, как мы видим, его последователь А. М. Коробов еще не попал «под колпак» полиции и благополучно продвигался по службе.

Ссылка Адриана Пушкина в Соловецкий монастырь повлекла за собой активную деятельность Коробова с целью добиться освобождения своего идейного вдохновителя, помочь его семье, даже совершил в том же году путешествие в Санкт-Петербург, как следует из бумаг, отложившихся в «Деле по проектам пермского купца Адриана Павловича Пушкина о создании для всех народов общей религии и о высылке его за это в Соловецкий монастырь» [7].

Подобная активность А.М. Коробова привела к тому, что он также был репрессирован: выслан в Вологодскую губернию, где, впрочем, вполне успешно продолжил свою службу. В адрес-календаре на 1870 год он значится как городской врач в уездном городе Кадникове в чине титулярного советника, а к 1873 году он занял ту же должность, что и в Перми – городского врача в губернском городе Вологде, дослужившись до чина надворного советника [8, с. 27; 9, с.22].

Как и в Перми, Коробов не занимался какой-либо проповеднической деятельностью, хотя и принимал некоторое участие в общественной жизни, судя по дозволенной цензурой публикации его речи – ничего антиправительственного и вероучительного не содержащей [10, с. 1–8]. Веро-

¹ В то время в учебном курсе духовных семинарий был предмет «Основы медицины».

ятно, за десять лет, проведенных в Вологодской губернии, отношение к Коробову со стороны властей стало более спокойным – никаких поводов для волнений он не давал, поэтому получил разрешение на выезд за границу. Оказавшись в Женеве, Александр Михайлович основал свой журнал и начал публиковать сочинения Адриана Пушкина и свои собственные тексты под именем Первенец Сиона. В составленном Г. Л. Андреевым «Указателе русскоязычной христианской периодической печати» значится, что политико-религиозный журнал «Вестник Правды» издавался и редактировался А.М. Коробовым в Женеве с 1876 по 1890 год на русском и французском языках. Всего вышло 36 номеров; в качестве приложений к журналу издавались сочинения Адриана Павловича Пушкина «Отец и Мать Нового Завета» и «Описание происхождения Господа Бога Саваофа и его Христа, Сына Божия, в образе человеческого» [11].

Департамент полиции МВД отреагировал на эти издания, поскольку они имели явно антивластный и антицерковный характер; царское правительство и Синод критиковались в них с позиций, характерных для поздних сочинений А.П. Пушкина 1865–1866 годов [12]. Нам точно неизвестно, узнал ли сам Коробов про требование правительства вернуться для дачи объяснений (объявление было опубликовано в нескольких российских и иностранных газетах), но известно, что он предпочел остаться в эмиграции и продолжать свою работу, апеллируя как к российской, так и зарубежной публике. В архивном фонде «Вещественные доказательства к делам Второго уголовного отделения Министерства юстиции» сохранились приложенные в качестве вещественных доказательств к «Делу о получении Саратовской городской думой письма и брошюры эмигранта Александра Михайловича Коробова» его письмо и изданная им в Женеве брошюра «Манифест народам, населяющим территорию Российской империи» 1881 года [13]. Сложно судить, насколько успешно ему удавалось распространять в России свои издания, но известно, что такие попытки он предпринимал.

Публикацией текстов единственный основательный последователь Адриана Пушкина не ограничился. В издаваемом им до 1890 года журнале «Вестник Правды», многочисленных публикациях в других изданиях и письмах императору и чиновникам разного уровня А.М. Коробов не только выступает в качестве апологета пермского пророка, но и – сознательно или бессознательно – начинает корректировать и дополнять пушкинские идеи, руководствуясь собственными представлениями о ситуации в обществе и перспективах существования человечества. Поскольку вносимые им изменения являются значимыми, мы бы хотели в предлагаемом тексте установить основные тенденции эволюции религиозного нарратива, что предполагает решение следующих задач: реконструкция учений А. Пушкина и А. М. Коробова как вероучительных текстов; сопоставление наиболее значимых положений обоих учений; поиск концептуальных аналогий в границах других вероучительных систем.

Основой для исследования послужили документы из Государственного архива Пермского края, прежде всего материалы из «Дела об освидетельствовании умственного состояния мещанина г. Перми Пушкина Адриана и высылке его в Соловецкий монастырь Архангельской губернии за распространение сочинений религиозного содержания» [14–16], а также хранящиеся в Российском государственном историческом архиве сочинения Пушкина и материалы из находящегося там же «Дела по проектам пермского купца Адриана Павловича Пушкина о создании для всех народов общей религии и о высылке его за это в Соловецкий монастырь» [7]. Также были использованы печатные издания А. М. Коробова из фондов Российской национальной библиотеки. Эти источники были подвергнуты феноменологическому и историко-сравнительному анализу.

Не очень обширной является и научная литература, посвященная купцу-пророку и его последователям. Созданные ими тексты оказались за пределами внимания исследований так

называемых сект и еретических учений из-за достаточно высокой сложности чтения и специфических путей их распространения. В силу этого Пушкин и Коробов стали известны только краеведам, адресатам писем и узкому кругу читателей журнала в Швейцарии².

«Новое пророчество», предлагаемое пермским купцом-клерком, формально основывалось на библейском тексте, но претерпело значительные изменения по сравнению с каноном в части его интерпретации, на которую доминирующее влияние оказали события общественной жизни: «...г. Пушкин силится некоторые пророчества Ветхого Завета и Апокалипсис истолковывать как исполнение их отечественными событиями» [18, с. 56].

Адриан Пушкин как претендующий на статус носителя нового Откровения помещает себя в символический центр повествования как «Посланника Божия и Князя царей земных» [19, с. 89]. Новое пророчество подается как единственно истинное: «...из тьмы ветхого бытия в свет нового завета, *только ныне даруемого* роду человеческому от Бога» (курсив наш. – *Авт.*) [20, л. 83 об.].

По текстам не вполне ясно, это претензии быть Богочеловеком или только продолжателем пророческой традиции: «Я принес от Бога на землю в моих логичных мыслях «Правду и мир и радость о Духе Святом» [21, л. 141 об.]. С уверенностью можно сказать, что купец второй гильдии претендует на окормление всего человечества, и в духовном, и в светском аспекте: «Господь Бог Адонаи Саваоф, теперь только в образе человеческом Ветхий денми <...> я поставлен от Него только царем над Сионом горою <...> для собрания языков во Иакове, т.е. Мессии, обетованном примирителе народов <...> или для соединения церквей в лице Единой живой (Логичной) религии на земле. Словом, поставлен я обетованным в последние дни века сего Пастырем народов <...> для упасения их <...> Духом Истины <...> и для устройства благодатного царства человека на земле <...> дарованного роду человеческому еще таинством воплощения бытия Божия, но ныне только объявляемого Богом через меня <...> я буду их судить <...> и на земле и за гробом <...> т.е. живых ныне, а мертвых после <...>. Буду судить и за то, что они не хотят знать дарованного мне от Бога имя “Его же никто же весть, токмо я сам”» [22, л. 28–29]. Автор текста готов, таким образом, взять на себя и функции Иисуса Христа, несущего слово истины, и Бога-Отца как судьи над смертными. Он присваивает себе наиболее значимые сакральные функции: «...я имею, Государь, право от Бога <...> чувствую себя в силах “мертвить и живить, низводить во Ад, и возводить”» [23, л. 32]. Пушкин для себя и посланник Бога, и воплощение его воли, и вестник, «... чтобы не дивиться обетованному от Бога моему голосу о воскресении мертвых на земле (Иоанн 5:28-29), когда настоящая моя просьба есть уже последняя труба» [22, л. 26].

Прикамский пророк идентифицирует себя как христианского, православного мыслителя. Очевидно, что он очень хорошо знаком со Священным Писанием, вплоть до детального использования религиозных текстов, ссылки на которые наводняют тексты Пушкина. При этом сходство с православием заканчивается на обозначениях ключевых фигур повествования – Троицы, Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. Адриан Пушкин, руководствуясь собственным религиозным опытом, конструирует новую систему сакральных персонажей, сложностью построений отсылающую к гностическим текстам эпохи раннего христианства.

Так появляется образ Матери как изменение троичной системы: «...истинная же Мать есть Дух Божий <...>, созданный и исходящий от безначального Бога Отца прежде мироздания» [23, л. 91 и 91 об.] (орфография и пунктуация документов сохранены. – *Авт.*). Очевидно, что при такой трактовке *филиокве* отрицается, как и принципиальная равнозначность всех

² Подробнее об образах А.П. Пушкина в дореволюционной печати см. [17].

ипостасей Троицы: «...ибо “Бог есть глава Христу” <...>, на котором “Отец Бог (только) положил печать свою” <...> т.е. помазал Духом Своим Святым <...> подобно тому, как Солнце отражает свой свет на Луне»; «безначальный Бог Дух есть глава созданному и исходящему от него Духу Божию <...>, ибо Дух Божий только “испытует глубины” Бога Отца и говорит “не от себя” <...>; следовательно Дух Божий – святой – истинный, по происхождению от Отца никогда не был и не может быть равным Богу Отцу, как считают донныне мнимо-христианские проповедники, произвольно сами сочинившие бога в непостижимой троице» [23, л. 91 и 91 об.].

Каждая из составных частей Троицы получает дополнительную интерпретацию: «Единый Бог Дух Отец Сам в Себе имеет самобытные три вида: I) Высочайший всевидящий Ум – Правда, II) Высочайшую всеслышающую Волю – Милость, III) Высочайшую всечувствующую Совесть – Истина, но без всякой формы, как безначальный Вседержительный живой Дух, Отец светов <...>. Исходящий же от Него Дух Божий <...> есть сам в себе: 1) Дух премудрости II) Дух разума, III) Дух Страха Божия, так же без всякой формы как Дух Божий» (подчеркнуто здесь и далее автором документов. – *Авт.*) [23, л. 91 и 91 об.].

Образ Иисуса Христа в некоторых частях повествования Пушкина очень сильно принижен и отделен от идеи единства в нем человеческой и божественной природы: «Богочеловек приходил во имя Отца <...> и не был Христом <...> Сын же человеческий – Христос, есть раб <...> пришел во имя свое, а не во имя Богочеловека, Который есть Отец небесный» [22, л. 35]. Поэтому и распятие соотносится не с Богом-Сыном, а с Богом-Отцом: «Непокорных воле живого Бога я буду весить на такой же виселице, не животворящей, а мертвящей, на какой был распят Господь Саваоф на Голгофе» [23, л. 84 об.]. При этом вводится образ сокрытого Христа, который еще только должен прийти: «...так сказано и о Мессии – Христе, – Помазанник Духом Святым <...>, которого донныне никто не знал» [23, л. 92 об.]. Противоречия текста, как нам представляется, стоит в равной мере связывать как с особенностями психики автора, так и с характером самого повествования, явно воспроизводящего элементы фольклорной традиции, не имеющей жестких канонов и норм.

Особое внимание уделяется критике церкви как института: «...донныне руководит “тайна вавилон-великий мати любодейцам и мерзостям земским” <...> в лице рукотворенных церковей и храмов <...> с их лживыми управлениями <...> никогда не могущими упользовать человечество в своих словесах лживых <...>, потому что означенные книжники и фарисеи “крадут слова Божия каждый от искреннего своего” <...> и вследствие того “все ослепша неразумеша смыслити”» [23, л. 97 и 97 об.]. Из приведенной цитаты видно, что официальное православие отождествляется с худшими из библейских персонажей, поскольку они искажают исходное учение Христа. Критика духовенства наводит на параллели как с текстами Мартина Лютера, так и с восприятием официальной церкви старообрядцами-беспоповцами, полагавшими, что такой институт в обществе не нужен: «...глубокий корень общего зла в мире глубоко скрывается в Духовенстве или в святых израилевых, от которых донныне царствует на земле не только всеми видимая неправда <...> но и всякое осквернение всей земли» [22, л. 27 об.], каждый из которых «глаголай себе во свете бытии, а брата своего ненавидяй, во тьме есть доселе» [23, л. 92].

Тексты Пушкина имеют эсхатологический характер: «...не дивитесь сему; ко грядет час, в оной же вси сущие во гробех услышат глас Сына Божия и изыдут <...> человеческий мир в настоящее время состоит уже во времени Суда Божия на земле» [23, л. 92]. Апокалиптизм дополняется хилиастическими построениями: «Царство же небесное есть ни что иное как Правда и мир и радость о обетованном Утешителе Духе Святом, который обещан именно на время царствия небесного на земле» [22, л. 27]. Потенциальным последователям предлагается обе-

щание «ада на земле, связываемого мной на 1000 лет <...>, т.е. на время царства небесного на земле» [22, л. 30]. Не принявших нового пророка ждет худшая участь: «...вместе с мертвым правительством в России ныне должны погибнуть и все люди его ведомства перед предстоящим судом Божиим за неприятие нового завета» [20, л. 83 об.].

Эсхатологический сюжет помещается в пространство русской истории. Это и бюрократическая система страны, препятствующая исполнению пророчества [19, л. 89], и немногочисленные последователи самого Пушкина, способствующие реализации «откровения» [24, л. 113], и сам новый мессия, укорененный в Прикамье: «Пермский купец 2 гильдии Адриан, сын Павлов Пушкин; по обетованному же для рода человеческого на земле последнему откровению живого Бога <...> в воплощении Господа Адонаи Саваофа <...> ныне только спасенный Его Христос <...> пророческий раб Давид от земли северски» [22, л. 26]. Национальность нового пророка приводит к передаче идеи избранного народа от евреев к жителям России: «Россия, отныне же по Воле Божией <...> переименовывается, во имя живого Иерусалима <...> или во имя Мессии <...> в Новый Иерусалим <...> т.е. в Резиденцию благодатного царства человека на земле <...>, не только возвышается пред всеми царствами на земле, но и укрепляется на непоколебимом фундаменте во веке» [22, л. 30]. Новый статус должен получить и правитель Российской империи: «...местный царь того Государства, где будет принят Мессия, пользуется и именем новым, Именем Царя вселенной» [24, л. 110].

Эсхатология дополняется околонатурными идеями: «Там закон, где три начала; но там только в них сохраняется правда, где данные начала существуют или употребляются вместе – в триединстве; например I длина, ширина, высота – закон кубического измерения: здесь правда требует для достижения истины употребить в дело все три измерения, иначе выйдет неправда в данном законе; II тело, душа и дух человека имеет закон в трехсоставности <...> III тело человека состоит из частей твердых, частей мягких и частей жидких – закон в трехсоставности» [23, л. 93об.]. Геометрия сочетается с психологией: «Всякое действие в человеке Духа премудрости, Духа разума и Духа страха Божия с сохранением законов трехличности и правды триединства называется “здравым рассудком человека” <...> Душа человека состоит из ума, воли и совести... устранение силы совести есть неправда; отсутствие ума есть болезнь, бездействие воли есть слабость – бесхарактерность [23, л. 93об.].

В последние годы жизни тексты Адриана Пушкина становятся все более эклектичными, изобилующими повторами, связанными с идеей конца мира и нового пророчества: «...как говорит Библия, дожившая до своего действия и исполнения» [25, л. 3]. Более спутана трактовка образа Христа, который одновременно и мессия, и не мессия: «Действительно, Отец у нас один – Бог, в Таинстве Воплощения Господь Саваоф имя Ему <...>, но не Христос, который есть грешник <...>, Иисус сын Иоседеков <...>, немощный <...> и многострадальный <...>, нареченный от Бога в сынах Божьих из грешников <...> сыном Божиим первенцем <...> Его же прободоша на Голгофе <...>, т.е. Результат Таинства Воплощения – Мессия, Христос <...>, второй живой храм <...> и второй Жезл Уже <...> или одним словом, – второе Лицо по древнейшем Адаме, Евва <...>, о Котором говорится: “яко из дому юзников изыдет царствовати”, понеже и в царстве своем родися нищ. били, убивали и распяли Самого Богочеловека – Господь Бог Саваоф имя Ему» [25, л. 4об].

По-прежнему в рукописях предрекается близкий конец света: «Всему этому прискорбию пришел конец. Домостроительство спасения страждущего рода человеческого на земле со стороны бытия Божия кончено» [26, л. 22].

Константой остается критика духовенства: «...за это Бог и оставил в роде их донине “дом” их пуст <...>, и не дал им Давидовского ключа от Библии <...> и потому они видят –

да не видят, слышат – да не разумеют <...>. Они просят Бога о соединении церковей, а не знают, что такое церковь» [25, л. 4об], и высшей церковной иерархии: «Но не осуждаю я Синод: он уже сам себе произнес приговор, написанный в Исакиевском соборе над царскими воротами в главный алтарь: “возмится врата вечная и внидет Царь славы” <...> Следовательно, за вратами, в алтаре Ад, а служащие там действительно сонмище сатанино, как говорит Откровение» [25, л. 10об]; «Правительствующий Синод в лице Его членов, как первый противящийся обетованному Духу Истины» [27, л. 6 об].

По-прежнему высокий статус имеет Россия как территория: «...род человеческий дожил до времени обетованного от Бога благодатного царства человека на земле <...>, которому резиденция есть Россия» [28, л. 13]. Именно здесь должна возникнуть новая Церковь «с правдою и миром для человечества» [26, л. 20–21об].

При этом происходит изменение некоторых положений. Так, эволюционирует образ императора Александра II. Он начинает наделяться статусом «Солнца», «счастливейшего из всех бывших и настоящих земных Царей» [25, л. 9], «Царя Вселенной» и «Царя Царей земных» [28, л. 18–19], «Пророческого Царя Кира», что специально оговаривается автором текста [25, л. 4об], благодаря царствованию которого произошло «избавление Тобой миллионов народов от египта» [27, л. 2].

Возникает идея «устройства единой религии на земле» [25, л. 4об], отсылающая к параллелям в учениях новых религиозных движений XX века. Это сочетается с призывом к уничтожению «вещественных храмов» и созданию в лице людей живых храмов [25, л. 10об, примечание внизу страницы]. Появляется концепция живой Церкви [26, л. 20–21об] в духе протестантских церковей, представляющей собой еkkлeсию – «собрание языков». Многократно повторяются высказывания об актуальности Священного Писания: «...всю Библию прочитал, взявши ее тогда в руки в первый раз, и нахожу, что она почти вся написана для нынешнего времени» [27, л. 67].

Словно в подтверждение аналогии с религиозной практикой евангельских церковей Адриан Пушкин в поздних текстах подробно описывает собственный мистический опыт: «Во время тяжелой болезни, в 1856 году, <...> в первый раз в жизни я видел во сне, а не наяву, странное, но в последствии утешительное для моей души явление: что будто бы во время моих занятий по службе, в глухую ночь, сквозь запертую железным запором дверь, вошел ко мне в комнату человек, по виду духовный особа, в темно-синем, но совершенно чистом подряснике, препоясанный лентою. В лице этой особы я тотчас же узнал Господа Спасителя, распятого на Голгофе. Перепугавшись этого явления, я задрожал и совершенно онемел. Спаситель сделал мне только один вопрос: “что вы Меня не узнаете?” Я не мог ничего отвечать, потому что будто бы язык мой ощутительно прирос к челюсти и омертвел. Затем лицо и одежда Спасителя заметно начали просвещаться, и, с тем вместе, вид моей комнаты стал исчезать, так что под конец проявления видно не было ни стен, ни потолка, а все обратилось в пространство голубого неба, которое разверзлось, и Спаситель медленно вознесся на небо при постоянно увеличивавшемся свете от Него. В это время от усилия моего сказать что-нибудь язык мой как бы вдруг оторвался от челюсти, и я вскричал: слава в вышних Богу и на земли мир! но так громко вскричал, что, проснувшись при этом, вскочил с постели. <...> Второе побуждение было в том же 1856 году, но совершенно другого рода. В то время, как я был уже так тяжело болен, что не мог вставать с постели, около 12 часов дня, когда я не спал, а просто лежал на спине, увидел против себя над постелей, что сквозь штукатуренный потолок медленно проявился светло-сероголубоватого цвета дым в виде неправильной кругообразной формы, наподобие облака табачного дыма. Этот случай меня крайне изумил, и я не успел еще задать себе вопроса, что это за проявление, как вдруг означенный дым облачком, подобно камню, пал на мою грудь и при прикосновении мгновенно

воспламенился огнем, который и прожег мне грудь и в болезненном сердце моем выжег всю нечистую материю, так что сердце мое осталось красным ноздреватым куском мяса. Страшное для меня это потрясение от видения так перепугало меня, что я в момент с криком рева вскочил тогда с постели как со смертного одра... и теперь хожу совершенно здоров. <...> Третье и последнее побуждение было такого рода, что я и не могу сказать ни времени, ни места ему. Но только как сейчас вижу что я, окаянный по телу <...>, грешный по душе <...>, недостойный по духу <...> видел того же самого Богочеловека, Который проявлялся мне в первый раз, ночью во сне; но только здесь видел Его уже «Ветхим денми» по человечеству <...>, как истинно Великого Господа Бога Адонаи Саваофа Отца светов (Иоанн 10: 30), сидящего в светло-белом одеянии на огромном гладком камне – высокой горе, которая в абрис подобна человеческому сердцу <...> Помню при этом только то, что я стоял пред Богом <...> в подножии камня или горы в длинных белых чулках, бывших на моих ногах без сапогов, и Ветхий денми сказал мне, указывая на свое седалище: «вот место, где был дан закон Моисею. Оно не охладело до сего времени. Взойди на этот камень и владей горою» <...> После этих слов Великого Бога Отца я почувствовал под моими ногами скользкую теплоту... и больше ничего не помню, кроме того, что с этого времени я узнал все основные законы мироздания» [27, л. 12 об-16 об].

Оставив за скобками возможность реального психического заболевания Адриана Пушкина, мы можем видеть тенденции эволюции его религиозных идей. Индивидуальная трактовка Священного Писания, критика церковных институтов и предложение создать универсальную религию позволяют говорить о наличии в «новом Откровении» элементов реформации религии, аналогичных тем, что имели место в истории западной Церкви. Сложно сказать, чем точно было вызвано такое сходство, но особенности биографии пермского пророка, никогда не выезжавшего за пределы страны и не имевшего богословского образования, позволяют предположить социальные основания для возникновения подобных концепций.

Подтверждением этому служит развитие учения Пушкина в работах его самого заинтересованного последователя. Как и его идейный вдохновитель, Коробов показывает неплохое знакомство с текстом Священного Писания, аналогичным же образом воспринимая себя как провозвестника новой истины: «...бодрее приступить к дальнейшему исполнению своих обязанностей, возложенных на меня Господом Богом, как на его раба и сына наследника его на земле» [29, л. 6]. Свою пророческую миссию последователь Пушкина приравнивает к учительской: «Ему, Богу-Отцу моему, угодно было мне, невопрошающему о нем и неискавшему его, открыть славу лица его, чрез которую он и воскресил меня; и благоволил открыть во мне едиnorodного сына славы его, чтобы я благовествовал его народам» [29, л. 14]. Поэтому и он претендует на открытие новых сакральных истин: «...до сих пор люди не знали и не знают Бога» [29, л. 17].

Пафос осознания собственной значимости местами даже больше, чем у Пушкина: «Иисус Навин есть тело, и душа, и дух человека, называемого людьми Александр Михайлович Коробов, последняя труба Божия. Он по духу есть престол престола воли Божией на земле, он есть нижний конец «столпа» Божия, стоящего на земле и касающегося неба, т.е. «Слова Божия», или нижний конец скипетра или жезла в деснице (преобразующей волю) Непреступного Света, всемогущего и всеведающего Творца всего сущего» [29, л. 25]; «...я, младший брат Господа моего» [29, л. 34]; «Я, обетованный Христос, в чем каждый мыслящий человек может убедиться» [29, л. 50]; «...уста Божии, олицетворенные в образе человека, именовавшегося Адриан Павлович Пушкин... царство Божие, в лице Адриана Павловича Пушкина, древо познания добра и зла или царствие небесное, в лице Александра Михайловича Коробова, и древо смерти, царство зла или ад, в лице Александра Николаевича Романова» [29, л. 63]; «Первенец Сиона» [30, л. 3].

Впрочем, Коробов сохраняет идею исключительного статуса самого Адриана Пушкина: «Господину Пушкину, которого я считаю, по духу, Господом своим» [28, л. 2], одновременно указывая на свою тесную с ним связь: в «Наших беседах из Записок Камских» оба деятеля определяются как «живые орудия Духа Святого» [31, с. 16].

Экзегетика по-прежнему сочетается с признанием ценности научного знания: «Я проповедываю, как попы, что наука бесполезна, вредна и даже противна закону Божию. Я говорю, что наука, имеющая нравственные начала, необходима для жизни человека» [29, л. 13].

В текстах сохраняется и критика духовенства: «Современное бедственное состояние народов явно свидетельствует о глубоком зле, лежащем в основе народной жизни, источники которого – духовенство ... которое издревле обманывает правительства и народы. Ныне настало время проверить его, а чрез то избавиться от него, как от смертельного яда» [29, л. 11]. В равной мере автор текста осуждает и ряд религиозных практик: «Я не проповедую также <...> изнурение и бичевание тела, крайнее воздержание от брака или от того или другого рода пищи, небрежность, неряшество, презрение или даже ненависть к плоти. Я нахожу, что это – самоубийство. Называю это учение <...> учением бесовским» [29, л. 13]. Критика временами приобретает форму открытого противостояния: «Пусть выходят против меня, малого во плоти, но крепкого Духом, синод со всеми белыми и черными попами и весь российский синклит, пригласив мудрецов всех вер и наук – я не боюсь» [29, л. 23].

Эсхатология понимается врачом-энтузиастом как открытие новых перспектив перед цивилизацией: «Ныне настал момент возрождения или воскресения человечества» [29, л. 12]. Конец старого мира воспринимается в традиционном ключе, как приход Мессии: «Имя его порусски «Белый Царь», которого, по вере, ждут и чтут евреи, мусульмане и христиане» [29, л. 23].

Существенным отличием от идей Пушкина у Коробова становится резкий акцент на падении нравственности в обществе и необходимости ее восстановления: «...мы видим множество богатых материально, даже миллионеров, но глупых умственно (душевно) и неразвитых нравственно (духовно), которые “прожигают” свое имение, обливаясь шампанским, обжираясь обедами, стоящими десятки тысяч рублей, обедами с потешным десертом – в роде голой актрисы, подаваемой на блюде, кутя в трактирах и бардаках, нежась естественно и противоестественно с цыганками или с “милыми созданиями” и дозволяя, в то же время, своим управляющим, напр. фабрику, заводов, рудников, имений или царств, не отдавать заработок или “выколачивать розгами последний грош”, на подать или отнимать последний хлеб у бедных, – жизнь их. Такие люди вредны для общества, и их удел – погибель <...> мы кругом видим мир ученых подлецов, от которых стонет мир <...> основа всех бедствий в роде человеческого есть безнравственность <...> а основа благоденствия есть нравственность, т.е. исполнение или сохранение духовных законов, присущих организму человека, для возрождения указанных нам Богом чрез слово его» [29, л. 9–10].

Поскольку правители воспринимаются автором текстов как значимые фигуры общественного устройства, виновные в социальных проблемах, он резко критикует российского императора Александра II, называя его братоубийцей [29, л. 24], и этим становясь ближе к ранним текстам Адриана Пушкина. Все, что связано с императорской властью, получает негативную оценку: «“Православное российское воинство” есть орудие врага истинного народного идеала, орудие противника Воли Божией, орудие убийцы обетованного праведника, орудие помазанника злого духа, царствующего на земле, первенца его в образе человека, сатаны (злого духа) и дьявола (злой воли) во плоти, принявшего вид “Ангела света”, в лице Александра Николаевича Романова, прообразованного Фараоном» [30, с. 3; 32]. Объектом наказания после прихода нового Христа прежде всего станут те институты, которые формируют Российское

государство: «Если по истечении этого срока будут те же, как до сих пор, недоверие, презрение и небрежение к Милости Божией, то высшим лицам, вошедшим в состав правительства, уже не будет никакой милости на суде, и хляби небесные отверзнутся, и испустится для истребления их огонь» [30, с. 3].

Фактически Коробов говорит о необходимости переустройства общества, утверждая, что теперь ему принадлежит право быть освободителем человечества от царствующего над ним зла: Александр II – последний царь Российской империи, на месте которой возникнет «Ново-Иерусалимское царство» [33, с. 1]. В этом же письме содержится прямая претензия на статус нового правителя России: «...я надена цепи на Вас и на род Ваш и поведу Вас туда, куда Вы идти не хотите» [33, с. 2]. Религия начинает трактоваться как в значительной мере рациональное мировоззрение: «Чем религия разумнее, тем лучше общество» [29, л. 16].

Обращение к текстам Адриана Пушкина с учетом коррекции, сделанной Александром Коробовым, показывает, что они представляют собой не просто один из вариантов развития вернакулярной религиозности. Тесная связь «новых пророчеств» с православной традицией, какой бы замаскированной она ни была, свидетельствует, что православие оставалось значимой культурной составляющей не только для широких народных слоев, но и для представителей размышляющей интеллигенции. Однако характер неофициальных нарративов не являлся унифицированным. Он напрямую зависел от уровня образования, специфики личной биографии автора, а также от того, какие моменты социальной и религиозной жизни вызывали ощущение несогласия и желания реформирования [34]. Поскольку Александр Коробов был образованным человеком, его ревизия вернакулярного религиозного текста оказалась ориентированной не только на актуализацию религиозной жизни через эсхатологию, но и на очередной шаг в реформировании отечественного православия в соответствии с требованиями времени.

Список литературы

1. Бушмаков А.В., Рязанова С.В. Адриан Пушкин: пермский опыт бюрократического мессианства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 1 (52). – С. 164–171. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-52-1-15
2. Пушкин А.П. Суд божий, или Отзыв членам Св. Синода о пришествии месии только ныне / [Адриан, сын Павлов, Пушкин]. – Женева: А.М. Коробов, 1876. – 103 с.
3. Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Избранные философские произведения: в пяти томах. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 3. – 784 с.
4. Leroy-Beaulieu A. The empire of the Tsars and the Russians. – N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1893. – 601 p.
5. Дело об увольнении врача Богоявленского от должности врача и преподавателя медицины при Пермской семинарии и об определении на его место врача Коробова 10.12.1861 – 23.01.1862 // РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 802. Оп. 2. Д. 25558.
6. Дело 2 стола 1 отделения Духовно-учебного управления при Святейшем Синоде «О беспрепятственности к утверждению в чине титулярного советника пермского городского врача, лекаря Коробова» 1866 г. // РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 30201.
7. Дело по проектам пермского купца Адриана Павловича Пушкина о создании для всех народов общей религии и о высылке его за это в Соловецкий монастырь // РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 740.
8. Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 год. – Вологда: Тип. Губернского правления, 1870. – 81 с.

9. Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 год. – Вологда: Тип. Губернского правления, 1873. – 93 с.

10. Коробов А.М. Речь А.М. Коробова, произнесенная 1-го октября 1874 года в первом общем собрании членов Вологодского благотворительного общества. Санкт-Петербург, ценз. 1874. – 8 с.

11. Андреев Г.Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. [Электронный ресурс]: Библиографический указатель. Т. I. – New York, 1998. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/hristianskaja-periodicheskaja-pechat-na-russkom-jazyke-1801-1917-gg-tom-1/> (дата обращения: 12.01.2023).

12. Дело по отношению Департамента общих дел о вызове из-за границы бывшего вологодского городского врача, надворного советника Александра Коробова 1876 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 37. Д. 1016.

13. Дело о получении Саратовской городской думой письма и брошюры эмигранта Александра Михайловича Коробова // РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 308.

14. Дело об освидетельствовании умственного состояния мещанина г. Перми Пушкина Адриана и высылке его в Соловецкий монастырь Архангельской губернии за распространение сочинений религиозного содержания // ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 65. Оп. 2. Д. 831.

15. Записки пермского купца Адриана Пушкина о излечении его после "небесного видения" и выписки из Евангелия. Часть I // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 79.

16. Записки пермского купца Адриана Пушкина о излечении его после "небесного видения" и выписки из Евангелия. Часть II // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 80.

17. Дело по проектам пермского купца Адриана Павловича Пушкина о создании для всех народов общей религии и о высылке его за это в Соловецкий монастырь // РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 740.

18. Бушмаков А.В. Мистическое в восприятии читающей публики // Диалоги о культуре и искусстве: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием; Пермский государственный институт культуры. – Пермь, 2016. – С. 163–172.

19. Рапорт Пермского полицмейстера губернатору от 3 сентября 1865 г. // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831.

20. Записка Пушкина от 5 марта 1866 года // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831. ЛЛ. 88-89.

21. Копия письма, разосланного Пушкиным в ноябре 1864 года в редакции газет: «Господину Редактору NN ведомостей – газеты – журнала – издания» // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831.

22. Прощение содержащегося в Александровской больнице мещанина Адриана Пушкина Пермскому губернатору // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831.

23. Прощение Пушкина императору от 21 октября 1864 г. Завета // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831.

24. Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831.

25. Ответы А. Пушкина на вопросы комиссии // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831.

26. Пушкин А. Докладная записка Пермского купца Пушкина. 24 сентября 1863 года. По чрезвычайному делу – о собрании языков во Иакове, обетованном Примирителе народов // Материалы о пришествии Мессии. Часть I. Великая радость // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 79.

27. Пушкин А. Великая Радость или рукопись упоминаемая в указе Правительствующего Синода Пермскому губернскому правлению от 25 мая 1864 г. за № 2137 // Материалы о пришествии Мессии. Часть I. Великая радость // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 79.

28. Пушкин А. Материалы о пришествии Мессии. Часть II. Великая радость // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 80.
29. Пушкин А. Копия еще одного прошения царю от 25 декабря 1863 года // Материалы о пришествии Мессии. Часть I. Великая радость // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 79.
30. Коробов А.М. 224-е письмо к сестре брата, который по духу, есть обетованный от бога пророк подобный Моисею, Иисус Христос. – Женева: ред. журн. «Вестн. правды», 1887. – 77 с.
31. Коробов А.М. Господину редактору газеты «Новое время» Алексею Сергеевичу Суворину. – Женева, 1879. – 4 с.
32. Коробов А.М. Вторая речь А.М. Коробова, произнесенная в Женеве, в собрании русских, ищущих свободы, 12 марта 1879 года. – Женева, 1879. – 4 с.
33. Коробов А.М. Наши беседы: Из зап. Камских / [Соч. и] изд. А.М. Коробова. – Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля, 1867. – 55 с.
34. Коробов А.М. Его величеству государю императору России Александру Николаевичу Романову. – Genève: Red. du journal "Le Messager de la vérité", [1880]. – 2 с.

References

1. Bushmakov A. V., Ryazanova S. V. Adrian Pushkin: permskiy opyt byurokraticheskogo messianstva [Adrian Pushkin: Perm experience of bureaucratic messianism]. *Bulletin of archeology, anthropology and ethnography*, 2021, no. 1 (52), pp. 164–171. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-52-1-15
2. Pushkin A. P. Sud bozhii, ili Otzyv chlenam Sv. Sinoda o prishestvii messii tol'ko nyne [The court of God, or the review to the members of the Holy Synod on the coming of the Messiah only now]. Geneva: A.M. Korobov, 1876, 103 p.
3. Plekhanov G. V. O tak nazyvayemykh religioznykh iskaniyakh v Rossii [About the so-called religious searches in Russia]. *Selected Philosophical works: in five volumes*. M., Gontizdizdat, vol. 3, 1957, 784 p.
4. Leroy-Beaulieu A. The empire of the Tsars and the Russians. N.Y., G.P. Putnam's Sons, 1893, 601 p.
5. Delo ob uvol'nenii vracha Bogoyavlenskogo ot dolzhnosti vracha i prepodavatelya meditsiny pri Permskoy seminarii i ob opredelenii na yego mesto vracha Korobova 10.12.1861 – 23.01.1862 [The case of the dismissal of the doctor Bogoyavlensky from the post of doctor and teacher of medicine at the Perm Seminary and the appointment of the doctor Korobov in his place 12/10/1861 - 01/23/1862]. *RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv)*, fund 802, inventory 2, folder 25558.
6. Delo 2 stola 1 otdeleniya Dukhovno-uchebnogo upravleniya pri Svyateyshem Sinode «O besprepyatstvennosti k utverzheniyu v chine titulyarnogo sovetnika permskogo gorodovogo vracha, lekarya Korobova» 1866 g. [Case 2 of table 1 of the Department of the Spiritual and Educational Administration under the Holy Synod "On the unhindered to be approved as a titular adviser to the Perm city doctor, doctor Korobov" 1866]. *RGIA*, fund 802, inventory 8, folder 30201.
7. Delo po proyektam permskogo kuptsa Adriana Pavlovicha Pushkina o sozdaniy dlya vseh narodov obshchey religii i o vysylke yego za eto v Solovetskiy monastyr' [The case on the projects of the Perm merchant Adrian Pavlovich Pushkin on the creation of a common religion for all peoples and on his expulsion to the Solovetsky Monastery for this]. *RGIA*, fund 1286, inventory 27, folder 740.
8. Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1870 god [A memorable book of the Vologda province for 1870]. Vologda, Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1870, 81 p.
9. Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1873 god [A memorable book of the Vologda province for 1873]. Vologda, Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1870, 93 p.
10. Korobov A. M. Rech' A.M. Korobova, proiznesennaya 1-go oktyabrya 1874 goda v pervom obshchem sobranii chlenov Vologodskogo blagotvoritel'nogo obshchestva [Speech by A.M. Korobov, delivered on October 1, 1874 at the first general meeting of members of the Vologda Charitable Society]. St. Petersburg, 1874, 8 p.
11. Andreev G. L. Khristianskaya periodicheskaya pechat' na russkom yazyke 1801-1917 gg. Bibliograficheskiy ukazatel' [Christian periodical press in Russian 1801-1917. Bibliographic index]. Vol. I. New York, 1998, available at: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/hristianskaja-periodicheskaja-pechat-na-russkom-yazyke-1801-1917-gg-tom-1/> (accessed 12 January 2023).
12. Delo po otnosheniyu Departamenta obshchikh del o vyzove iz-za granitsy byvshego vologodskogo gorodovogo vracha, nadvornogo sovetnika Aleksandra Korobova 1876 g. [The case against the Department of General Affairs on the call from abroad of the former Vologda city doctor, court adviser Alexander Korobov, 1876]. *RGIA*, fund 1286, inventory 37, folder 1016.
13. Delo o poluchenii Saratovskoy gorodskoy dumoy pis'ma i broshyury emigranta Aleksandra Mikhaylovicha Korobova [The case of the receipt by the Saratov City Duma of a letter and brochure from emigrant Alexander Mikhailovich Korobov]. *RGIA*, fund 1410, inventory 1, folder 308.
14. Delo ob osvidetel'stvovanii umstvennogo sostoyaniya meshchanina g. Permi Pushkina Adriana i vysylke yego v Solovetskiy monastyr' Arkhangel'skoy gubernii za rasprostraneniye sochineniy religioznogo sodержaniya [The case of the examination of the mental state of the petty bourgeois of the city of Perm Pushkin Adrian and his exile to the Solovetsky Monastery of the Arkhangelsk province for distributing religious writings]. *GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia)*, fund 65, inventory 2, folder 831.
15. Zapiski permskogo kuptsa Adriana Pushkina o izlechenii yego posle "nebesnogo videniya" i vypiski iz Yevangeliya [Notes of the Perm merchant Adrian Pushkin about his cure after a "heavenly vision" and an extract from the Gospel]. Part I. *RGIA*, fund 1473, inventory 1, folder 79.
16. Zapiski permskogo kuptsa Adriana Pushkina o izlechenii yego posle "nebesnogo videniya" i vypiski iz Yevangeliya [Notes of the Perm merchant Adrian Pushkin about his cure after a "heavenly vision" and an extract from the Gospel]. Part II. *RGIA*, fund 1473, inventory 1, folder 80.

17. Delo po proyektam permskogo kuptsa Adriana Pavlovicha Pushkina o sozdanii dlya vseh narodov obshchey religii i o vysylke yego za eto v Solovetskiy monastyr' [The case on the projects of the Perm merchant Adrian Pavlovich Pushkin on the creation of a common religion for all peoples and on his expulsion to the Solovetsky Monastery for this]. *RGIA*, fund 1286, inventory 27, folder 740.

18. Bushmakov A. V. Misticheskoe v vospriyatii chitayushchey publiky [Mystic in the perception of the reading public]. *Dialogi o kul'ture i iskusstve*. Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Perm, Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2016, pp. 163-172.

19. Raport Permskogo politsmeystera gubernatoru ot 3 sentyabrya 1865 g. [Report of the Perm police chief to the governor of September 3, 1865]. *GAPK*, fund 65, inventory 2, folder 831.

20. Zapiska Pushkina ot 5 marta 1866 goda [Pushkin's note of March 5, 1866]. *GAPK*, fund 65, inventory 2, folder 831.

21. Kopiya pis'ma razoslannogo Pushkinym v noyabre 1864 goda v redaktsii gazet: «Gospodinu Redaktoru NN vedomostey – gazety – zhurnala – izdaniya» [A copy of the letter sent by Pushkin in November 1864 to the editorial office of newspapers: "To Mr. Editor of NN Vedomosti - newspapers - magazines - publications"]. *GAPK*, fund 65, inventory 2, folder 831.

22. Prosheniye soderzhashchegosya v Aleksandrovskoy bol'nitse meshchanina Adriana Pushkina Permskomu gubernatoru [Appeal of the tradesman Adrian Pushkin, who is kept in the Alexander Hospital, to the Perm Governor]. *GAPK*, fund 65, inventory 2, folder 831.

23. Prosheniye Pushkina imperatoru ot 21 oktyabrya 1864 g. Zaveta Pushkin's petition to the emperor of October 21, 1864. Testament]. *GAPK*, fund 65, inventory 2, folder 831.

24. Pushkin A. Otets i Mat' Novogo Zaveta [Father and Mother of the New Testament]. *GAPK*, fund 65, inventory 2, folder 831.

25. Otvety A. Pushkina na voprosy komissii [A. Pushkin's answers to the commission's questions]. *GAPK*, fund 65, inventory 2, folder 831.

26. Pushkin A. Dokladnaya zapiska Permskogo kuptsa Pushkina. 24 sentyabrya 1863 goda. Po chrezvychaynomu delu – o sobranii yazykov vo Iakove, obetovannom Primiritele narodov [Memorandum of the Perm merchant Pushkin. September 24, 1863. On an extraordinary matter - about the meeting of tongues in Jacob, the promised Mediator of peoples. Materials on the coming of the Messiah. Part I. Great joy]. *RGIA*, fund 1473, inventory 1, folder 79.

27. Pushkin A. Velikaya Radost' ili rukopis' upominayemaya v ukaze Pravitel'stvuyushchego Sinoda Permskomu gubernskomu pravleniyu ot 25 maya 1864 g. za № 2137. Materialy o prishestvii Messii. Chast' I. Velikaia radost' [Great Joy or the manuscript mentioned in the decree of the Governing Synod to the Perm provincial government of May 25, 1864, No. 2137. Materials on the coming of the Messiah. Part I. Great joy]. *RGIA*, fund 1473, inventory 1, folder 79.

28. Pushkin A. Materialy o prishestvii Messii. Chast' II. Velikaya radost' [Materials about the coming of the Messiah. Part II. Great joy]. *RGIA*, fund 1473, inventory 1, folder 80.

29. Pushkin A. Kopiya yeshcho odnogo prosheniya tsaryu ot 25 dekabrya 1863 goda. Materialy o prishestvii Messii. Chast' I. Velikaya radost' [A copy of another petition to the tsar dated December 25, 1863. Materials on the Coming of the Messiah. Part I. Great joy]. *RGIA*, fund 1473, inventory 1, folder 79.

30. Korobov A. M. 224-ye pis'mo k sestre brata, kotoryy po dukhu, yest' obetovanny ot boga prorok podobny Moiseyu, Iisus Khristos [Letter 224 to the sister of a brother who in spirit is a prophet promised by God like Moses, Jesus Christ]. Geneva, redaktsiia zhurnala "Bulletin of Truth", 1887, 77 p.

31. Korobov A. M. Gospodinu redaktoru gazety «Novoye vremya» Alekseyu Sergeevichu Suvorinu [To the editor of the Novoye Vremya newspaper Alexei Sergeevich Suvorin]. Geneva, 1879, 4 p.

32. Korobov A. M. Vtoraya rech' A.M. Korobova, proiznesennaya v Zheneve, v sobranii russkikh, ishchushchikh svobody, 12 marta 1879 goda [The second speech of A. M. Korobov, delivered in Geneva, in a meeting of Russians seeking freedom, March 12, 1879]. Geneva, 1879, 4 p.

33. Korobov A. M. Nashi besedy: Iz zapisok Kamskikh [Our conversations: From Kamskikh's notes]. St. Petersburg, tipografiia A. Transhelia, 1867, [4], 55 p.

34. Korobov A. M. Yego velichestvu gosudaryu imperatoru Rossii Aleksandru Nikolayevichu Romanovu [His Majesty the Emperor of Russia Alexander Nikolaevich Romanov]. Geneve, redaktsiia zhurnala "Le Messager de la vérité", 1880, 2 p.